

УДК 94(48).083

О БОЯХ ИТАЛЬЯНЦЕВ В ХОДЕ ОСТРОГОЖСКО-РОССОШАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК: ВОСПОМИНАНИЯ АЛЬПИЙЦЕВ

СКОТОНИ Джорджо,
кандидат исторических наук,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется, как советские войска разгромили на Верхнем Дону дивизии альпийского корпуса в январе 1943 г. На основании обширного материала автор описывает ход боевых действий и раскрывает малоизвестные страницы истории отступления альпийских войск с Дона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вторая мировая война, русский фронт, 8-я итальянская армия, отход альпийского корпуса.

ON ITALIANS' FIGHTING IN THE OSTROGOZHSK-ROSSOSH
OPERATION OF THE SOVIET TROOPS: ALPINES REMINISCENCES

SCOTONI G.,
Cand. Histor. Sci.,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article analyses how the Soviet troops smashed the divisions of the Alpine corps on the upper reaches of the river Don in January 1943. On the basis of extensive material the author describes the operations and reveals little-known pages of the history of the Alpine troops' retreat from the Don.

KEY WORDS: Second world war, Russian front, 8-th Italian army, the retreat of Alpine corps.

К началу 1943 г. на южном крыле советско-германского фронта обстановка для армий государств «Оси» осложнилась. Вследствие операции советских войск «Малый Сатурн» левый фланг группировки Паулюса, который итальянские войска должны были защищать, перестал существовать. Несмотря на тот факт, что с разгромом главных сил 8-й армии угроза окружения альпийского корпуса на Верхнем Дону становилась все реальнее, в Риме недооценили возможности противника и согласились с оценками немцев, по которым резервы Красной армии были истощены и советские войска больше не были способны провести наступление крупного масштаба.

10 января 1943 г. в районе Сталинграда войска Донского фронта начали операцию по ликвидации 6-й армии и 4-й танковой армии вермахта. Одновременно Ставка Верховного Главнокомандования решила разгромить соединения групп армий «А», «Б» и «Дон» силами Закавказского, Южного, Юго-Западного, Воронежского и Брянского фронтов, чтобы освободить Северный Кавказ, Харьковский промышленный район и Донбасс.

В те январские дни 1943 г. Воронежский фронт продолжал подготовку к наступлению в районах Острогожска и Россоши с целью разгрома 2-й венгерской армии и итальянского альпийского корпуса, освобождения железнодорожной линии Лиски – Кантемировка и выхода на рубеж Репьевка, Буденное, Валуйки, Покровское; таким образом, планировалось создать возможности для проведения новых операций на харьковском направлении.

Южнее Воронежа оборонительную линию прикрывали войска 2-й венгерской армии на левом фланге и 24-го немецкого танкового корпуса – на

правом фланге. В центре, в зоне Россоши, остатки 8-й армии (четыре итальянские дивизии в составе около 50 тысяч человек) и несколько немецких пехотных подразделений оборонялись на следующих позициях. На Верхнем Дону дивизии альпийского корпуса остановились на старой линии по реке Дон, от Верхнего Карабута до Новой Калитвы. Все они были расположены в форме одношелонного оперативного построения, лицом к востоку: 2-я альпийская дивизия «Триденгина» прикрывала левый фланг, от Верхнего Карабута до Белогорья; в центре, на рубеже Украинской Буйловки – Нижнего Карабута, – 156-я пехотная дивизия «Виченца»; на рубеже от Нижнего Карабута до Старой Калитвы – 4-я альпийская дивизия «Кунезензе». На юге Новой Калитвы до Ивановки – Зеленого Яра оборонялась 3-я альпийская дивизия «Юлия». В ходе декабрьского поражения, вместе с 385-й и 387-й немецкими пехотными дивизиями, группой «Фогеляйн» и 27-й немецкой танковой дивизией дивизия «Юлия» была включена в состав 24-го немецкого танкового корпуса, который прикрывал Острогожско-Россошанскую группировку на рубеже от Новой Калитвы до Михайловки; ее место на фронте альпийского корпуса заняла дивизия «Виченца».

Накануне Острогожско-Россошанской операции альпийский штаб предсказал новое наступление Красной армии на южный фланг. После того как войска Юго-Западного и Южного фронтов стали продвигаться в юго-западном направлении к Ростову-на-Дону, командиру генералу Наши стала очевидна опасность. «Альпийское командование, предусматривая прорыв с юга, подготовило планы для отступления на север. Предварительно альпийцы выкопали вдоль реки Калитва оборонительные ли-

нии с тем, чтобы готовиться к организованному потоку дивизий корпуса. В начале января, когда ситуация стала абсолютно критической, генерал Наши получил от командования армии приказ оборонять позиции даже под угрозой окружения. Это был приговор к смерти. В Россоси это поняли, но ничего не могли сделать» [6, с. 10]. Действительно, командирам корпуса было приказано удерживать позиции любой ценой. «10 января 1943 года командование 8-й армии разослало циркуляр командования группы армий "Б", в котором было написано, что альпийский корпус и венгерская армия должны удерживать линию Дона до последнего солдата и патрона. За это командиры дивизий отвечают лично» [12, с. 251–252].

Острогожско-Россошанская операция началась 13 января 1943 г. В соответствии с разработанным планом Воронежского фронта войска трех группировок – 40-й армии, 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии – должны были нанести три одновременных удара по сходящимся направлениям на Алексеевку, Острогожск и Карпенково.

В полосе 40-й армии наступление главных сил северной группировки со Сторожевского плацдарма началось за сутки до намеченного срока. 14 января южная ударная группировка фронта перешла в наступление из района северо-западнее Кантемировки. 3-я танковая армия (12-й и 15-й танковые корпуса, 173-й и 179-й отдельные танковые бригады, 48-я гвардейская стрелковая дивизия, 180-я и 184-я стрелковые дивизии, 37-я стрелковая бригада) имела задачу прорвать оборону на фронте 24-го немецкого танкового корпуса, затем развить успех в северо-западном направлении и выйти на рубеж Каменка, Алексеевка, соединиться с 40-й армией и 18-м стрелковым корпусом, чтобы окружить острогожско-россошанскую группировку. Одновременно 7-й кавалерийский корпус должен был наступать на запад и овладеть Валуйками.

«Следует заметить, что на характере действий войск противника, оборонявшихся против наших наступающих сил, и на общих результатах Острогожско-Россошанской операции очень сильно сказались приказ немецкого верховного главнокомандования стоять на рубеже реки Дон насмерть. В первый день наступления гитлеровцы оказали довольно упорное сопротивление на участке 3-й танковой армии. Для допрорыва тактической глубины обороны генералу П.С. Рыбалко пришлось ввести в сражение оба танковых корпуса, после чего обстановка в полосе наступления армии коренным образом изменилась в нашу пользу» [11, с. 65]. Таким образом, чтобы ускорить прорыв были введены в бой 12-й и 15-й танковые корпуса. Танкисты прорвали тактическую зону обороны итало-немецких войск. К исходу 14 января 12-й танковый корпус овладел Шрамовкой, а 15-й танковый корпус продвинулся к району Жилина.

Здесь десантники передового отряда (52-й мотострелковой бригады) разгромили штабы 24-го немецкого танкового корпуса, 385-й и 387-й пехотных дивизий и уничтожили командира корпуса. Это был большой успех, так же, как и брешь на южном фланге группировки, что оказало решающее влияние на положение альпийского корпуса. Командование группы армий «Б» приказало расширить линию обороны дивизии «Юлия», чтобы прикрыть прорванный южный фланг.

На взгляд Карло Вичентини, младшего лейтенанта лыжного батальона Монте Червино, этот приказ был роковым для итальянцев. «В результате

прорыва в полосе 24-го танкового корпуса, новый командир этого корпуса генерал Эйбл оттягивает выжившие силы вермахта и развёртывает их на север от реки Калитва; отзывает также из-под командования генерала Риканьо все немецкие части, подчинённые дивизии "Юлия". Очевидно, план немецкого командования – оставить итальянскую дивизию «Юлия» как арьергард и в то же время расчистить себе дорогу, чтобы двигаться быстрее в отступлении. Это мероприятие серьезно ослабляет нашу уже утомлённую дивизию и заставляет растворить ее уже редкие силы; но в основном оставляет правый фланг дивизии (на юге Криничной) полностью непркрытым» [15, с. 61].

Тем временем успешно продвигался на запад 7-й казачий кавалерийский корпус под командованием генерала С.В. Соколова. Перед войсками корпуса стала задача нанести удар в общем направлении на Ровеньки – Белый Колодец – Валуйки, чтобы обеспечить операцию с юга. 14 января и третья ударная группировка – 18-й отдельный стрелковый корпус генерала П.М. Зыкова – пошла вперед в центре полосы наступления Воронежского фронта с Щучьенского плацдарма в направлении Каменка – Алексеевка. Но в отличие от северной и южной группировки, наступление 18-го корпуса на центральном участке развивалось медленно.

После разгрома правого крыла 24-го немецкого корпуса на южном фланге группировки ни немецкие, ни итальянские части не попытались контратаковать. Вскоре через брешь, которую нечем было закрыть, двинулись соединения 3-й танковой армии. Так, в течение первых двух дней напряженного сражения войска генерала Рыбалко вышли в глубокий тыл альпийского корпуса и развернули наступление в северном и северо-западном направлениях. Колонна 15-го танкового корпуса устремилась к Еремовке, чтобы перерезать дорогу Россось – Ровеньки. В центре – передовой отряд 12-го танкового корпуса, 106-я танковая бригада под командованием полковника И.Е. Алексеева устремилась далеко вперед, к Россоси.

На рассвете 15 января бригада Алексеева (всего 16 танков) вышла на южную окраину города и неожиданно ударила по Россоси. Рейд был таким молниеносным, что дезорганизовал оборону. Танкисты стремительной атакой вторглись в центр Россоси, где размещался штаб корпуса, предав его огню и мечу. Затем одна танковая рота продвигалась в сторону Евстратовского аэродрома, а основные силы 106-й бригады ворвались на железнодорожную станцию, которую обороняли два альпийских батальона, поддержанных артиллерией. В этих боях погиб командир полковник Алексеев.

О стремительной атаке 106-й бригады подробно рассказывал Карло Вичентини: «Совершенно неожиданно русские танки ворвались в город и перемещались по нему в течение нескольких часов, разрушая пушками штабы и склады, уничтожая каждый автомобиль, с которым они сталкивались. Кроме соединения тыловых служб, в то время в городе был размещен единственный батальон Монте Червино с двумя стрелковыми ротами (...) Горнолыжники не были обучены сражаться против танка, но смело импровизировали оборону минами и ручными гранатами; так они вывели из строя пять танков. Немецкие самолеты «Штука» уничтожили бомбами и огнем пушек еще семь или восемь танков. Но другие танки продолжали рейд в нашем тылу. Таким образом они выбили из Россоси штаб корпуса. Во второй половине дня командование

альпийского корпуса отступило из Россоси на 50 км к северу: сначала оно расположилось в Постоялом, потом – в Подгорном, за позициями 2-й альпийской дивизии "Тридендина". В то же время мы должны были перевезти из города оба полевых госпиталя и то, что осталось от тыловых служб и складов. Таким образом, со второй половины 15 января начался кризис всех связей с подчинёнными частями и подразделениями корпуса» [15, с. 61].

На рассвете 16 января главные силы 12-го танкового корпуса овладели Россосью. В результате была перерезана дорога Россось – Ровеньки – самый важный путь отхода для 24-го немецкого корпуса и дивизии «Юлия». После освобождения города стрелковые подразделения 3-й танковой армии закрепили успех и подошли к Подгорному. В тот же день 15-й танковый корпус вышел к Ольховатке, в тыл острогожской группировки; тогда войска 2-й венгерской армии, опасаясь окружения, начали отходить на запад.

17 января наступление 12-го танкового корпуса возобновилось к северу по дороге Россось – Острогжск, так называемой *Armee Strasse*; к вечеру 30-я танковая бригада овладела с ходу селом Постоялый и перекрыла маршрут Подгорное – Карпенково. Таким образом, танкисты отрезали пути отхода альпийского корпуса также по направлению к г. Острогжск.

Тем временем войска 15-го танкового корпуса развивали наступление и вечером 17 января подошли к Алексеевке, крупному узлу дорог в направлении отхода острогожской группировки. Итак, к исходу четвертого дня наступления войскам Воронежского фронта удалось расчлнить Острогжско-Россошанскую группировку на 2 изолированные части – острогожскую (5 дивизий) и россошанскую (8 дивизий).

Утром 17 января командование 8-й армии решило отступление альпийских войск с Дона «в тесной связи с 7-м венгерским корпусом». Но было поздно. Командующий 2-й венгерской армией генерал Густав Яни приказал частям корпуса двигаться на запад: ночью 17 января 23-я венгерская дивизия покинула линию на северном фланге альпийских войск. Когда штаб итальянского корпуса получил указание об отходе, были уже отрезаны все пути для отступления. Затем командование группы армий «Б» приказало перевести в подчинение генерала Наши и остатки 24-го немецкого корпуса из-за угрозы их окружения. Стала очевидна опасность быть ликвидированными. Лишь прорыв из окружения мог спасти итало-немецкую группировку. Отступление от Дона было совершено в сумерках, одновременно на всем фронте альпийского корпуса и продолжалось всю ночь на 18 января. Теоретически дивизии, отступавшие восточнее Россоси, от Верхнего Карабута до Новой Калитвы, должны были начать организованный отход все вместе. Однако некоторые подразделения начали отступление сразу же после рейда советских танков в Россось. В ночь на 16 января ускорилась переброска транспортной службы дивизий «Кунеэнзе» и «Юлия» к тылам корпуса.

Отступление горнотрелковых войск в снегах Придонья длилось почти три недели. Сначала четыре дивизии отходили по двум направлениям: на севере Россоси отступали войска 2-й дивизии «Тридендина» и 156-й дивизии «Виченца»; на юге Россоси – войска 3-й дивизии «Юлия» и 4-й дивизии «Кунеэнзе». Командир корпуса установил по-

рядок отхода, где все дивизии должны были отходить в параллельных колонна – в первом ряду – части, готовые открыть себе дорогу силой. Все подразделения должны были взять с собой как можно больше боеприпасов и продовольствия и прикрывать своё движение аррьергардами.

Таким образом, с 17 по 21 января войска альпийского корпуса отходили по отдельным маршрутам: южнее Россоси дивизии «Кунеэнзе» и «Юлия» отступили с позиций на Черной Калитве к Поповке. Войска северной группы – 2-я дивизия «Тридендина» вместе с частью дивизии «Виченца» – отступили к Подгорному, где соединились с командованием корпуса и затем двинулись на Опыт. С этого момента трагические события январского отхода дивизии «Тридендина» определили судьбу командования горнотрелкового корпуса и 24-го немецкого танкового корпуса.

Так написал о начале отхода Албино Эихер Кле-ре, альпийский стрелок батальона «Валь Кнезе» 6-го полка дивизии «Тридендина»: «17 января 1943 года около четырех часов вечера, в то время как я пек хлеб, пришел лейтенант из командования дивизии, который сказал нам только несколько важных слов: "Приказ об отступлении". Я знал, что делать: закрыл духовку, чтобы хлеб подгорел, забросал мешки муки на пол, на снег, бросил в канаву оставшийся хлеб, опрыскивая его бензином. Около пяти часов мы отправились в сторону Подгорного. Темнело. Это была адская ночь, метель невообразимая, и лёд везде. Сколько страшных сцен! Некоторые альпийцы ложились на снег от усталости и холода, сдаваясь последнему сну; другие, пьяные от выпитого коньяка, найденного в кладовках, не могли стоять и падали на землю рядом с растянувшейся в замороженной степи черной колонной: через каждые сто метров лежали упавшие измученные мулы. Мы шли всю ночь быстрым шагом и прибыли к командованию дивизии в Подгорном в семь утра; нашли место в одной из изб и пытались уснуть, изнемогающие от усталости. В десять утра 18 января прозвучал сигнал сбора. Генерал Ревербери с крыши избы произнёс речь солдатам: "Альпийцы, мы окружены и закрыты в котле. Мы должны открыть себе дорогу боём, а за котлом найдем поезд, который отвезет нас обратно в Италию, к нашим матерям и нашим женам". Со всех сторон поднялся крик, потому что мы думали, что нам придется ждать весны для продвижения к Уралу и Волге; нам даже отдаленно не представлялось возможным вернуться домой так скоро. Речь Ревербери возбудила всех, особенно меня, и с этого момента я думал только о возвращении домой. Отступление началось во второй половине дня. Колонна марширующих была такой длинной, что, казалось, ей не было конца; она резко выделялась темной змеей на фоне заснеженной степи» [2, с. 3].

С 18 января из-за отсутствия горючего генерал Наши отдал приказ об операции № 2 – действовать «как будто на горной территории»: все дивизии альпийского корпуса должны были покинуть автотранспорт и рассчитывать только на санки и обозы [3, с. 712]. Шоферы были вынуждены сделать автомашины неисправными, и войска сожгли всё, что не было возможно увезти. Отсутствие корпусных средств подвоза сразу создало большие трудности со снабжением. Бросив склады с продовольствием, огромные толпы войск двигались пешком по дорогам, покрытым глубоким снегом. Кругом были брошенные автомашины. Было решено оставить

тяжелораненых, взяв с собой только тех, кто может держать оружие.

В данном положении отход корпуса происходил в беспорядке. Вместе с горнострелковыми войсками пытались выйти из окружения 385-я и 387-я немецкие дивизии, дивизионная группа «Фогеляйн», 19-я и 23-я венгерские дивизии. Подразделения итальянцев смешивались с тысячами венгерских и немецких военнослужащих, войска потеряли организационную сплочённость.

Люди шли по степи, страдая от холода и голода, и начали сдаваться в плен. После окончания войны много ветеранов написали воспоминания об этом. Эннио ди Лорето, бывший пулеметчик в комендантской роте дивизии «Тридентина», отмечал: «Ситуация была безнадежной: мы не могли продолжать марш при 45 градусах мороза, без еды и питья, без отдыха. Мы шли, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы хоть как-то защитить себя от мороза; приятель, шедший сбоку от меня, наступил на пехотную мину, и ему оторвало ногу – он так и умер, брошенный в снег. <...> Мы сразу стали ориентироваться по следам колонны на снегу. Со всех сторон слышались звуки боя, и наш страх превратился в ужас: мы одни в этом аду. Через некоторое время мы заметили в ложинке неподалеку группу людей и направились к ним. Это были итальянские офицеры. Я отдал, как мог лучше, честь, доложил и спросил дальнейших указаний. Мне ответили, что колонна ушла уже довольно далеко и где-то там, вдалеке пытается прорвать очередное кольцо окружения. Потом, к нашему, простых бедных итальянских солдат, изумлению, они указали нам направление движения и заявили, что они больше не собираются двигаться вперед, а ждут русских, чтобы сдать им в плен» [4, с. 14, 16].

Вот как был взят в плен шофер Ваккарини: «Проезжаю несколько километров, ведущая машина была сбита пушечным выстрелом из русского танка. Тогда офицеры сказали нам: "Ребята, спасайтесь, кто может, больше нечего делать". В тот момент я был в кабине грузовика. Слова офицеров и присутствие русских танков породили во всех нас страх попасть в плен. Мы пытались убежать, разбегаясь по заснеженным полям. Мы шли весь день; к вечеру мы разделились на две группы, потому что там было две избы, недалеко друг от друга. В этих двух домах мы остановились на пару часов, затем пошли дальше. У другой избы русские партизаны устроили нам засаду. Когда я увидел их, я бросил винтовку на землю. Один партизан подошел и приказал мне идти за ним с поднятыми руками; потом стал меня обыскивать и, найдя бумажник с изображением Распятия, сказал своим товарищам, что я католик. Он отдал мне только священный образ! В рядах по четыре они погнали нас в школу, в окнах которой не было стекол. Они дали нам покушать макароны из крупного таза, но без столовых приборов. Мы стали есть прямо из таза! [5, с. 543].

Ночью на 19 января командование альпийского корпуса, 24-го немецкого корпуса и дивизии «Тридентина» прибыло в Опыт. Батальон «Верона» продолжал путь к Постоялому. Там на рассвете 19 января он столкнулся с советскими частями: в ходе штурма сотни альпийских стрелков были уничтожены в кровавых боях.

20 января произошел поворот в отходе северной группы. В Опыт ещё находилось корпусное командование и управление дивизии «Тридентина». Утром советские пехотные отряды с поддержкой танков внезапно штурмовали Опыт. Стремясь остано-

вить продвижение танков, альпийцы открыли по ним огонь из противотанковых орудий, но советские войска не покинули поселок. Частям альпийского командования пришлось отступить; был потерян транспорт, переписка командования и оставшиеся средства связи.

Отступление альпийских дивизий «Кунеэнзе» и «Юлия» проходило в еще более тяжелых условиях. Солдаты и офицеры отходили с огромным трудом на север к Поповке: положение со снабжением было катастрофическим, бушевали сильные метели. Среди альпийцев было уже много обмороженных.

С 20 по 23 января 3-я дивизия «Юлия» и 4-я дивизия «Кунеэнзе» предпринимали отчаянные попытки вырваться из окружения в районе Подгорное. Наиболее ожесточенные бои развернулись под Новопостояловкой. Здесь ночью на 20 января части 1-го горнострелкового полка «Кунеэнзе» пошли на прорыв. Целый день альпийские дивизии «Кунеэнзе» вместе с 8-м полком дивизии «Юлия» штурмовали поселок, занятый советскими войсками.

Командир дивизии «Кунеэнзе» генерал Баттисти ввел в бой последний резерв, но безуспешно. Удары следовали один за другим, однако прорвать советскую оборону не удалось. Советские танки уничтожили три батареи группы «Мондови» и 4-й артиллерийский полк со всеми солдатами и офицерами. Когда это стало ясно, генерал Баттисти приказал сжечь флаги 1-го полка и 4-го артиллерийского полка, чтобы предотвратить их попадание в руки Красной армии. В радиোগрамме генерал Баттисти попросил штаб корпуса о помощи. Из оперативного отдела командования ответили, что помочь невозможно. Это был «самый длинный день» дивизии «Кунеэнзе», и он решил судьбу россосанской группы горнострелковых войск.

Почти 30 часов батальоны дивизии «Юлия» и «Кунеэнзе» штурмовали деревню, но были отброшены танками Красной армии. До сумерек советские войска оказывали ожесточенное сопротивление, и все попытки прорваться в деревню были отбиты. С наступлением темноты ситуация была отчаянной: дивизии «Кунеэнзе» и «Юлия» были заблокированы перед Новопостояловкой, потеряв тысячи человек.

«Без сомнения сражение было самое тяжёлое, длинное и упорное среди тех, в которых сражались альпийцы на линии фронта и во время отхода» [7, с. 451]. Генерал Баттисти в своем докладе заявлял: «Менее чем за сутки, то есть между 22.00 ч. 19 января и 18.00 ч. 20 января, дивизия «Кунеэнзе» потеряла всего в Поповке и Новопостояловке: четыре батальона альпийских войск ("Чева", "Мондови", "Борго С. Далмаццо", "Салуццо"), один батальон пехоты, артиллерийскую группу "Мондови" с 75/13-мм пушками и батарею с 105/11-мм гаубицами, т.е. 5/6 своей пехоты и более половины артиллерии. В составе дивизии остался батальон "Дронеро" и артиллерийская группа "Пинероло", еще не участвовавшие в боевых действиях, смешанный батальон инженерных войск и остатки батальонов. Когда дивизия возобновила поход на север, она не превышала семи тысяч человек, 5000 своего состава и 2000 человек отделов и служб Альпийского армейского корпуса».

Разгром дивизий россосанской группы заставил генерала Наши изменить план отступления альпийского корпуса к узловой станции Валуйки – городку, который, по расчетам, должен был находиться в руках вермахта. Остаткам дивизии «Юлия» и «Кунеэнзе» было приказано отходить на запад во взаи-

модействии с дивизиями северной группы «Триден-тина» и «Виченца» [12, с. 261].

Однако в результате разгрома колонны дивизий «Кунеэнзе» и «Юлия» были расчленены на изолированные части. Бушевали сильные метели, дороги были занесены снегом, и после потери радиоустановок штабы не имели возможности связываться с подразделениями. Не зная о новом порядке отхода, лишь несколько частей следили за маршрутом войск северной группы.

Воссоединение различных колонн россосанской и северной групп войск произошло ночью 22 января, но не смогло восстановить порядок в составе горнострелкового корпуса. Дивизия «Триден-тина» двигалась авангардом, потом шли две дивизии 24-го немецкого корпуса и в конце – остатки остальных альпийских дивизий. Между итальянскими колоннами образовался разрыв более чем в 15 км. Не действовала радиосвязь, и альпийские соединения расслаивались. Это оказалось роковым для судьбы дивизий «Кунеэнзе», «Юлия» и «Виченца». Тогда в штаб 24-го немецкого корпуса поступила радиogramма из командования АРМИРА: генерал Гариболди приказал генералу Наши больше не направлять отход альпийского корпуса к Валуикам, уже находившимся в руках у казаков, а пробивать себе дорогу к Николаевке. Именно по причине отсутствия связи командиры трёх дивизий не получили жизненно важного приказа и продолжали движение к Валуикам.

Тем временем танковые и механизированные соединения 3-й танковой армии, прорвавшиеся севернее и южнее двух групп, завершили окружение. Подвижные войска совместно со стрелковыми подразделениями освободили много населенных пунктов, находившихся на путях отхода альпийцев. Так, 15-й танковый корпус генерала В.А. Копцова продвинулся в тыл к Алексеевке и овладел Шелякино и Варваровкой. Здесь заместитель начальника штаба 48-й гвардейской стрелковой дивизии, майор Н.Е. Захаров организовал войска варваровского гарнизона для обороны села; в это же время 2-я рота 138-го гв. стрелкового полка под командованием лейтенанта Н.Г. Мужакшина закрепилась в селе Шелякино. Эти регулярные части Красной армии были усилены партизанским отрядом «Смерть фашизму», сформированным из местного населения Ладомирского района в количестве 45 человек.

21 и 22 января большие колонны дивизий «Триден-тина», «Виченца», «Юлия», «Кунеэнзе», 385-го и 387-го немецких пехотных дивизий двигались с севера на Шелякино и Варваровку. Упорным сопротивлением советским войскам удалось блокировать авангард на окраине Шелякино; но итало-немецкая группа силами до 8 тыс. пехоты, с 6 танками и ар-

тиллерией заняла село, уничтожив местный гарнизон. После прорыва советской обороны в Шелякино генерал Наши приказал обойти Варваровку с юга.

Чтобы прикрыть отступление главных сил корпуса на трассе южнее от Варваровки, батальон «Морбеньо» получил приказ атаковать варваровский гарнизон. По пути к Варваровке к альпийцам «Морбеньо» присоединились артиллеристы группы «Бергамо» 5-го альпийского полка.

«Не имея достаточно пехоты, варваровский гарнизон отражал атаки противника артиллерийским огнем и танками. Отдельными штурмовыми группами автоматчиков, стрелков и партизан отрезали небольшие группы противника, уничтожали их и брали пленных (...) 23 января с 10.00 до 16.00 бои велись северо-западнее Варваровки. Итальянцы, пользуясь пургой, большими колоннами с обозами стремились по целине обойти Варваровку.

В 13.00 23 января в лощине северо-западнее Варваровки была зажата большая колонна разбитых ранее дивизий «Триден-тина» и «Виченца». Один советский танк Т-34 (командир танка младший лейтенант Панин), отрезав путь движения противника на Ковалев, стоял замаскированным в засаде. Танк прикрывали 15 автоматчиков и группа партизан. Другой танк Т-34 (командир лейтенант Афонин), под прикрытием броневика и с десантом автоматчиков, совершив обход с севера, зашел с тылу в хвост колонны. Он перемаял все обозы и загнал противника в лощину. Немцы стали продвигаться к западной части Варваровки и напоролись на танк Панина, бывший в засаде. Также открыл огонь Т-34, стоявший в селе на высоте как неподвижная огневая точка. Этот бой продолжался около полутора часов. В 21.00 23 января противник силой до одной тысячи человек снова начал наступление на Варваровку» [1, с. 106].

После тяжелейшего боя в Шелякино и Варваровке бесконечная колонна горнострелковых войск разделилась. Командование альпийского корпуса и 24-го немецкого корпуса поворачивали к северу вместе с остатками дивизии «Триден-тина», 385-й и 387-й немецкими пехотными дивизиями. С большими потерями эта масса в 40 тысяч человек во главе с генералами Наши и Ревербери 26 января вышла в Николаевку из кольца окружения и достигла позиции Оси в Большом Троицке 30 января. Главные силы альпийского корпуса, дивизии «Кунеэнзе» «Юлия» и «Виченца» продолжали отступление к западу в направлении на Валуики. Не знаящие об изменении пути отхода остатки трех итальянских дивизий направились в ловушку. 27 января все оставшиеся в живых альпийцы были взяты в плен казаками 7-го кавалерийского корпуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. AA.VV: Dalla parte di Ivan – il racconto della ritirata del Don a confronto con la storia locale russa. –Trento, Nuove arti grafiche, 2005. 203 p.
2. AA.VV: Gli anni dell'orrore. Ricordi della campagna di Russia Cavalese ANA Gruppo Costalta, 1996. – 72 p.
3. AA.VV: Le operazioni delle unita italiane al fronte russo 194–1943. Roma: USSME – Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico, 2000. – 832 p.
4. AA.VV: Воспоминания итальянских солдат. Владивосток: Изд. Далнаука, ДВО РАН, 2006. – 136 с.
5. Bertinaria, P. La tragedia italiana sul fronte russo (1941–1945). Rimini Chigi, 1997. – 748 p.
6. Crespi, A. Breve storia del ripiegamento del Corpo d'Armata alpino dal Don al Donez Bologna Villaggio del fanciullo, 1960. – 34 p.
7. Faldella, E. Storia delle Truppe Alpine: 1872–1972. 3 vol. p. 2223 / E. Faldella. – Vol. II.– Milano: Edizioni Landoni, 1972.
8. Ferraris, G. «In prima linea a Novo Postojalovka. La campagna di Russia di Giacomo Alberti alpino della Cuneense» Boves, Arabafence, 2013. – 176 p.
9. Handel, C. Russia 1942-1943 Diario di guerra. Trento, MST, 2011. – 144 p.

10. Gaza, G. Urla di vittoria nella steppa. Milano, Mursia, 1996. – 136 p.
11. Голиков, Ф. Острогжско-Россошанская операция [Текст] / Ф. Голиков // Военно-исторический журнал. – 1973. – № 1.
12. Marengo. M. Russia 1942-1943. Cuneo: A.N.A., 2002. – 299 p.
13. Rasero, A. L'eroica Cuneense Storia della divisione alpina martire. Milano, Mursia, 1985. – 852 p.
14. Vettorazzo, G. Cento lettere dalla Russia: 1942-1943, Rovereto Museo della Guerra, 2004. – 189 p.
15. Vicentini, C. Il sacrificio della Julia in Russia Udine Gaspari Ed. 2006. – 168 p.